

Задаваться вопросами

К 90-летию Павла Грушко

Согласившись, по просьбе журнала, взять интервью у этого одновременно поэта, драматурга и переводчика-испаниста, я не был уверен, что он согласится ответить на мои вопросы. Все-таки возраст, все-таки — кто я и кто он. Смелости мне придало его стихотворение “К вопросу”, датированное 1971 годом:

Вопрос вопросов *Почему?*,
настырный пастырь поколений,
ты не даешь дремать уму,
спасая люд от лютой лени.

С тобою нам покоя нет,
бываешь горек ты и сладок,
ты нас наводишь на ответ,
ты — нож на горле у загадок.

Ты просишь нас изведать суть,
охотишься за складной речью.
Спроси меня о чем-нибудь.
Я как смогу тебе отвечу.

Ну, вот пусть и ответит, как сможет, решил я!

– *Что привело вас в испанистику?*

— Притом что к моменту поступления в иняз были свежи в памяти образ Дон Кихота, события Гражданской войны в Испании и то, что в довоенном 1940 году я отдыхал в “Артеке” с испанскими ребятами, реально привел меня в испанистику отец моего школьного товарища Петр Сергеевич Бычков. Он

был парторгом иныза на Остоженке и понимал, что в 1950-м, все еще сталинском году, подростку с отчеством Моисеевич не просто будет куда-либо поступить. Он только деликатно попросил меня написать в анкете, что я украинец, фамилия-то моя как бы вполне украинская. В 1953 году, когда я учился на третьем курсе, отец народов скончался, и мой “пятый пункт” обрел свою истинную принадлежность. В школе я учил немецкий, который недолюбливал, и при смене школьного языка мог выбрать только итальянский или испанский. Я выбрал испанский, хотя до сих пор немного завидую выдающемуся итальянисту, моему другу, тоже инызовцу, Евгению Солоновичу. До поступления в институт я писал стихи, кое-что было опубликовано.

– *Затрудняюсь назвать поэта, который был бы еще автором десяти пьес-либретто, не говоря уже о невиданном количестве переводов с испанского и английского. Как вы дошли до жизни такой?*

– Понадобился, сподобился. Моему поколению переводчиков-шестидесятников пришлось изрядно потрудиться для заполнения огромных пустот. Особенно в испанистике, ведь на испанском говорят и пишут, помимо Испании, еще в двадцати странах, совершенно разных. Не все из того, что я перевел, опубликовано. Это, как правило, наиболее любимые вещи, переведенные по увлечению, не по заказу. До сих пор в столе пьеса Гарсиа Лорки “Марьяна Пинеда”, вся проза Октавио Паса, стихи каталонца-авангардиста Сальвата-Папасейта, дюжина американских поэтов, книга американского поэта-чикано¹ Тино Вильянуэвы и ряд других текстов.

Что касается театра, то, кроме собственных пьес, это стихотворные пьесы-либретто “по мотивам”, то есть, по сути, переводы беллетристики на язык сцены, когда подспудно пригодилась та же практика перевода. “Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты” по мотивам драматической кантаты Неруды, о чем попросил Марк Захаров. “Монарх, Блудница и Монах” по “Фьоренце” Томаса Манна и “Эстетике Возрождения” Алексея Лосева, по просьбе композитора Александра Журбина. И по собственной просьбе – по “Блуждающим звездам” Шолом-Алейхема, “Снова на дне” – парафраз известной пьесы Горь-

1. Чикано – двуязычные (англ. и исп.) представители культуры и литературы мексикано-американского населения Юго-Запада США.

кого, и стихотворная *драмопись* “Без Царя в голове” по “Городу Глупову”, донные суперсовременному произведению великого Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Все это – русское слово, инструмент, заточенный долготной практикой. Что в собственной поэзии, что в переводе, что в драматургии. Главное, чтобы слово знало свое место, было незаметным, особенно на сцене. По Льву Выготскому, это – “развоплощение материала формой”. Дело труднодостижимое. Однажды причудился образ: вино в форме кувшина, а стекла не видно. В какой-то момент мои познания и навыки я свел в арт-проект “Trans/формы Павла Грушко”, это – теория и практика художественного перевода как метод перевоплощения в разных жанрах искусства.

– *Есть ли у вас слоганы о переводе?*

– Ну, скажем, “*быть, отсутствуя*”, “*обман во спасение*”, “*каждый перевод посильный*”, “*облачение теней*”. Последний, заимствованный у Хулио Кортасара, стал названием антологии испанской и каталонской поэзии, изданной “Центром книги Рудомино”, за которую в 2015-м я получил специальный диплом в номинации “Поэзия года”.

– *Что вы думаете о перепереводах?*

– По-моему, чем их больше, тем лучше. Они на совести переводящего. Пусть о них судит главный рецензент, коим является Время, а не сиюминутные коллегии вроде совковых худсоветов при издательствах.

– *Неруда считал вас лучшим своим переводчиком. Как вы к этому отнеслись?*

– С удивлением, он ведь не знал русского языка. Должно быть, положился на суждения моих добрых друзей. А смутило опубликованное в “Литературной газете” мнение Константина Симонова. Вот оно: “Мне кажется, многое в Неруде я понял после того, как появились его стихи в переводах Павла Грушко, который дал почувствовать то в его лирике, чего не смогли передать другие переводчики”. Другими-то были его друзья, именитые поэты того времени: Эренбург, Савич, Алигер, Кирсанов!

– *А критические мнения о вас?*

– В печати и в интернете не встречал. Но доносительств были. В самом начале моей карьеры – донос в ЦК партии профессора-испаниста, известного переводчика Лорки о том, что я перевожу фашистских поэтов. Это было в 1957 году после моего первого творческого вечера в Библиотеке иностранной литературы. Хорошо, что об этом же запросили моего замечательного наставника Овадия Герцовича Савича, который вел тот вечер. Он разъяснил, что у молодого переводчика есть недоработки, но никаких фашистов на вечере он не читал. Обо всем этом я узнал много позже от Льва Осповата. Дело в том, что я прочитал мой перевод стихотворения “Букинистическая лавка” испанского поэта Хосе Марии Пемана, который во времена Франко был президентом испанской академии наук. Почему-то вспоминаются язвительные щедринские слова о том, что доносы – это выражения общественной самопомощи-с”.

– *Есть ли у вас книги избранных переводов?*

– Упомянутая антология “Облачение теней”. Это “Поэзия Пирамид” – поэты от Мексики до Панамы, “Облачение Бурь” – поэты стран Карибского бассейна, “Облачение Кордильер” – поэты Чили, Перу, Эквадора и Боливии, “Облачение Пампы” – поэты Аргентины, Уругвая и Бразилии. Успеть бы издать также антологию поэтов Англии и США.

– *Есть ли у вас правительственные награды?*

– Чего нет, того нет. Впрочем, не от тайного ли вождения к ним придумалось однажды: “Жить без орденов – неординарно”?

– *Какие особо любимые переводы вы бы назвали?*

– А давайте подверстаем их к этому интервью, по примеру того, как это было сделано в “Иностранной литературе” в далеком 1970 году¹.

1. “Иностранная литература”, 1970, № 6. Имеется в виду “Маленькая антология на полях” (к статье Роберто Обрегона Моралеса о мексиканской литературе), в которой впервые на русском языке были опубликованы переводы П. Грушко из Рамона Лопеса Веларде, Карлоса Пельисера, Октавио Паса, Росарио Кастаньянос и Хайме Сабинеса. (*Прим. ред.*)